

Про Олешу

Поезжат тут Добрынюшка во цистó полё,
Поезжат-ли князь Микитиць да во роздольице.
Он просил тут у маменьки Божиё да благословленьице,
Тут давала ёму маменька, слезно плакала <...>
«Проживи-ко ты, Настасьюшка, пять лет поры.
Ты сходи-ко-се во далеце цисто полё,
Ты во то же во роздольице широкоё,
До того же ты до кустышка рокитова,
До того же ты до прутика малинова.
Уж как вывел тут соловьюшко тёпло гнездышко,
Как спровадил тут своих да малых деточёк —
Тогда не будёт меня, Добрынюшки, на сей земли!..
Ты тогда, моя Настасьюшка, хоть взамуж поди,
Хоть за князя ты поди, да хошь за бóяра,
Хошь за сильнёго-могуцёго богатыря —
Не ходи ты за Олешу да за Поповиця:
Как Олешенька Поповиц да мне крестóвой брат.
Он-от силочкой не силён, да только напуском смел!»
Прожила тут Настасьюшка пять лет поры.
Как пошла тут Настасьюшка во цисто полё,
А пошла тут Викулишня во роздольице
До того же там до кустышка рокитова,
До того же там до прутичка малинова.
Уж как сóвил тут соловьюшко тёпло гнездышко,
Он уж вывел тут своих дак малых деточёк.
Тут приходит Настасьюшка из цистá поля
А своей она маменьке рассказывает,
Как она ей да наговариват:
«Уж как сóвил там соловьюшко тёпло гнёздышко,
Уж и вывёл он своих да малых деточёк —
Тогда нет, видно, Добрынюшки у нас на всей земли!
(Нет, видно. Думает — убит он.) <...>
Он' сидела на кирпичней да жаркой пеценьки,
Тут и слезла с кирпичней да жаркой пеценьки,
Да пришла ко кошевцвету окошечку,

Ко стеклянной-то пришла она околёнки,
И смотрит во далецё в цистó полё.
Уж как в чистом-то полюшки курёва стоит,
Курёва́-то там стоит да дым столбом валит,
Говорит тут Настасьюшка Микулишна:
«Эка в цистом-то поли да курёва стоит,
Курёва-то тут стоит да дым столбом валит,
Уж как цёрному-ту ворону прокурку нет,
Уж как ясному-ту соколу пролёту нет,
Уж как доброму-ту молодцю проезду нет!»
Пролетаёт, проезжаёт да доброй молодец
Он по тем же Добрыниным жолты́м сукна́м,
Он уж едёт тут к Добрынину широкому двору,
Он и ставит тут коня да к дубову́ столбу,
Он и вяжот коня да к золоту кольцю,
Он заходит тут во грынюшку во светлую,
Он и крест тут кладёт да по-писа́нному,
Он поклон-от ведёт да по-уцёному,
Он молитву творит да сполна Сусову <...>
«Уж ты здравствуй-ко, Добрынина рóдна маменька». —
«Уж ты здравствуй ты-ко, здравствуй, да доброй молодец.
(Она уж его еще не признала.)
Не видал ле ты моёго там уж дитетка,
Не видал ли ты Добрынюшки Микитиця?» —
«Как, како да у Добрынюшки было знамечко?» —
«Как у мя, у Добрыни, было знамечко —
Под правóй-то под пазушкой бородавочка».
Скиноваёт кали́цко да светло платьице,
Подымаёт свою да руку правую —
Тут увидела Добрынина родна маменька
Под правой-то рукой да бородавоцку.
Слезыват она с кирпичьней да жаркой печеньки,
Как захватыват ёго да за буйну́ голову́,
А захватыват, дак слезно плакала.
(Узнала тогда уж как!) <...>
«Где же у те, мамушка, друга семья,
Как друга-та семья, Добрынина молода жона?» —
«Как у меня добра-то от Добрынюшки Микитиця
Молода-та жона да во заму́ж ушла

За того жо за Олешеньку Поповиця.
Как у их теперь там да пированьице,
Пированьице идёт да столованьице!..»*
Догадалсе тут Добрынюшка Микитич сын:
«Ты неси скорей мне, маменька, светло платьице,
Ты неси еще мне да гусли звончаты,
Гусли звончаты неси да колокольчаты.
Я пойду схожу к Олешеньке на свадебку!»
Тут пошел Добрынюшка Микитич сын,
Он пошел тут к Олешеньке на свадебку.
Он правой ногой ступил — да изба потряслась,
Он левой ногой ступил — да рамы сбрыкали.
«Уж вы здравствуйте, гости все любезные!
Вам надо ли сыграть в гусли звончаты,
В гусли звончаты сыграть — да колокольчаты?»
Говорит тут Олешенька Попович млад:
«У нас нет местечка незанята,
У нас нет местечка незасижена!»
Сказала Настасья Викулишна да молода,
Как Добрынюшкина жена Микитича:
«У нас есть местечко на песьнём столбу,
Еще то у нас местечко есть незанято,
Еще то у нас место да незасижено!»
Тут садился Добрынюшка на песьнёй столбышók,
Да играл-то Добрынюшка в гусли звончаты,
Гусли звончаты заиграл он — в колокольчаты.
Он первой-от раз играл — она продумала,
Он другой-то раз играл — она проплакала,
Он третий раз заиграл — она слово молвила:
«Уж ты гой еси, Олешенька Попович млад,
Наливай-ко-се ты чарочку зелена вина,
Ты не малу, не велику — да полтора ведра!»
Наливает тут Олешенька да чару зелена вина,
Он не малу, не велику — да полтора ведра,
Тут берет ведь Добрынюшка одной рукой,
Выпивает Добрынюшка на единой дух.
Когда выпил эту чарочку зелена вина,
Он Настасью Викуличну за белы-ти руки брал,
За белы-ти руки брал — да через стол поднял,

Через стол поднял — да тонцовать пошли,
Тонцовали, тонцовали — и домой пошли.
Как Добрынюшка тут стал над Олешенькой подсмеиваться:
«Уж ты здравствуй, Олешенька: женился, да тебе не с кем спать!»

*(Зап. Н. П. Колпаковой, В. В. Коргузаловым 22 июля 1958 г.: д. Смоленец
Лешуконского р-на — от Клешовой Аграфены Васильевны, 77 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.